

Через межу — эпизод 4 из 5

На эту угрюмую северную реку пришла она в голодный год с матерью. Мать тут большую промашку сделала — замуж вышла. Годы уж немолодые, а ребят прижила. Ее мужа в третьем году разбило параличом, и этот больной всех окончательно связал. Хозяйство, какое было, давно пролечили и проели. Теперь всю семью «прибрал» деревенский богатеи, которому параличный в каком-то родстве.

— Не без расчета сделано, — пояснила Фаина. — Нам дал малуху под сараем. Все равно ее ни один дачник не возьмет. Ну, едим тоже у него. И за это с матерью круглый год работаем, а платы никакой. Он же из-за нас в сельсовете приbedняется. «Чужую семью, говорит, кормлю. Пять ртов, а работы спросить не с кого. Навязал себе камень на шею, да который год с ним и хожу».

— Ходит он! — сверкнула Фаина глазами. — Забыла, как ботинки носят, в лаптях шлепаю. А кто скажет, что на работу ленива. Обноски старушечьи переворачиваю да ношу, — рванула она себя за проймы сарафана. — Ножом бы полыснуть такого благодетеля, да мамыньки жалко.

И Фаина, может быть, неожиданно для себя, добавила:

— Видишь, незаконная я у ней. Сколько она из-за меня раньше горя-позора приняла. Вот и жалко теперь оставить.

— Да-а, — посочувствовал Кочетков: — чистая петля. Вдовая, говоришь, сама-то?

— Давно уж вдовая. Совсем молоденькой выходила. В гражданскую войну моего Васеньку убили. Ничем не похаю. Хорош у меня муженек был. На фабрике в Бронницах... городок такой около Москвы есть... работал. В девятнадцатом году ушел на южный фронт, да только его и видела. Сюда уж вдовой приехала. Нахвалили: «хлеба да хлеба там», а вышло — одно горе хлебаем.

— Здесь не выходила?

— Пробовала, да удачи не вышло. Пьянчужка попался. Бить меня лезет, а я этого не дозволю. Отмутузила его самого пьяного катком и ушла. Теперь еще похваляется, — убью, говорит. На этом зареклась. Да и верно, за кого выходить-то в наших деревнях? Пригородные ведь, да еще при реке. Одни спекулянтствуют, а те, кто около реки бьется, — запились. И от дачников

много разврату идет. Теперь вот их — дачников-то — мало, так иные рады с дачей хоть мужа, хоть жену сдать, лишь бы дачника приманить. Какие это крестьяне! Двенадцатый год советской власти идет, а у нас кулак в деревне все еще верховодит, только похитрее стал. Наш-то вон хозяин у себя внизу ясли открыл. Слава одна, а на деле советскую власть обмануть норовит.

— Такой же порядок, как у нас. Крестьянское хозяйство — видимость одна. По всем береговым деревням это же, — подтвердил Кочетков.

— Веришь? — заговорила опять Фаина: — До чего надоели эти спекулянты! Не смотрела бы! Только и передышки, что в воскресенье в лес уйдешь.

— Одна ходишь? Не боишься?

— Не из трусливых. От одного отобьюсь, а больше налезут, товарища позову, — и перед Кочетковым сверкнул широкий нож с плотно охватывающим руку ремешком у черенка.

Кочетков даже отодвинулся и поперхнулся от изумления, а гостя похвалилась: «Бритва», и, сильно вытянувшись всем телом, черкнула ножом по кусту папоротника. Узорные листья на миг оставались неподвижными, потом разом посыпались, образуя почти правильный круг.

— Вот ты какая, — удивился Кочетков.

— Станешь такой, — усмехнулась Фаина с злым блеском в глазах, а нож уж исчез так же незаметно, как появился.

«Как у пароходного фокусника, — подумал Кочетков. — Злющая, надо полагать. Очень просто кишки выпустит, а то и по горлу цапнет».

Быстрые руки между тем заняты были самым мирным делом: перебирали освободившуюся после чаепития посуду, укладывали в мешочек сахар, завертывали в листья папоротника оставшийся хлеб, картофель. Казалось, что ножа не было, как не было и злого блеска в глазах, но ровная линия среза куста говорила, что нож хорошо отточен, а рука сильна и ловка.

«Довели бабу», — смягчил свою оценку Кочетков.

Точно читая его мысли, Фаина проговорила:

— Ты не думай худого... Около матерого волка живу... Нельзя мне без этого.

— У кого живешь?

— Евстюху Поскотина в Нагорье слыхал?

— Бурого-то?

— Ну, он и есть, наш благодетель. Без ножа спать не ложусь. И мужишко бывший грозитя. Кисляк он, а все-таки...

— Понимаю... А без ножика как? — улыбнулся Кочетков. — Молодое ведь дело-то...

— Говорю, с души воротит глядеть на наших деревенских. Давно бы ушла в город либо на фабрику, если бы не такое мое положение. Давеча осмотрела твое хозяйство здешнее и позавидовала. Хоть бы лето мне так пожить с мамынькой. Дежурить бы без подмена стала.

— В бакенщики, что ли, хочешь поступать?

— Охота бы. То и прошу, чтобы все показал.

— Что ж, давай сплаваем. На месте все покажу. Только вот покурю из своей обновки. С утра у меня пост на табачок вышел. — И Кочетков, направив и закулив трубку, коротко пригласил: — Пойдем.